

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ВОЛГО-ОКСКАЯ ТОПОНИМИКА НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Тема, затрагиваемая в данной статье, не является новой. Специфическая неславянская топонимика северной и средней полосы Европейской части СССР неоднократно привлекала к себе внимание исследователей. Так, например, Д. Европеус в статье «К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян» утверждал, что «до-русские названия местностей, встречающиеся в северной и средней России от Ледовитого океана до реки Оки и до городов Витебска и Полоцка, большую частью югорского или угорского происхождения, т. е. принадлежат языку прадедов нынешних венгров, или мадьяров, вогуличей и остяков»¹.

Д. Европеус даже пытался расшифровать некоторые названия рек при помощи остяцкого и вогульского языков. Так, например, название реки Печенга он сопоставлял с остяцким *pecheeng*, что значит «сосновая вода», название реки Вычегда он сводил к Вытшагет, что, по его мнению, должно означать «водяной рукав, приток, изобилующий водою»².

И. Н. Смирнов в своем исследовании о вотяках обращает внимание на то, что названия рек на *-ма* в вотском крае имеют те же «корни», что названия на *-ва* в крае зыряно-пермячком (например: Виль-ма и Виль-ва, Нерт-ма и Нерт-ва, Урд-о-ма и Урд-ва), и приходит к выводу о тождестве этих окончаний. «Ввиду того, что *ва* в зыряно-пермячком наречии означает „воду“ и „реку“, мы заключаем, что то же значение имеет и *ма*. Этот вывод... дает нам право сказать, что народ, разбросавший по губерниям Костромской, Вологодской, Вятской и Пермской массу речных названий с окончанием на *ма*, говорил языком, представлявшим одно из разветвлений обширной группы диалектов, от которых в настоящее время уцелели зырянский, пермяцкий и вотский»³.

Вопросам дославянской топонимики на территории средней и северной части СССР была посвящена также статья акад. А. И. Соболевского. В отличие от своих предшественников, А. И. Соболевский относил создателей этой топонимики не к финно-угорским, а к индоевропейским народам. «Я ограничиваюсь, — писал он в своей статье, — сопоставлением данных в области названий рек и озер Поволжья, Прикамья и русского Севера с данными названий на юге и в центре России.

Исходный пункт моей работы — предположение, что эти две группы названий родственны между собой и принадлежат

¹ См. ЖМНП, 1868, ч. СXXXIX, июль, стр. 58.

² См. там же, стр. 62—63.

³ И. Н. Смирнов, Вотяки. Историко-этнографический очерк, Казань, 1890, стр. 33—34.

одному языку индоевропейской семьи, который я пока, впрямь до подыскания более подходящего термина, именую с к и ф с к и м»¹.

А. И. Соболевский также делает попытки объяснить некоторые окончания рек. Так, окончание *-ма* (Вязьма, Клязьма, Шошма и т. д.) он связывает с прилагательным индоевропейских языков на *-ima*, например с греческими *φωιτικός*, *ἰσθμικός*². Касаясь названий рек, обнаруживающих в окончании повторяемый элемент *кша*, например Мокша, Ширмокса, Покша и т. д., он замечает, что «этимология *-кш-*, *-кш-* ясна: ср. др.-бактр. *kasu-* «малый, слабый», лит. *nukasžėti* (греч. *κακός*)»³.

Среди исследователей дославянской топонимики на территории северной и средней полосы Европейской части СССР были и такие, которые предпочитали здоровый скепсис бесплодным попыткам установления этнической принадлежности создателей этой топонимики.

И. Н. Смирнов писал по этому поводу следующее: «Страна, в которой окончательно осели черемисы, не была пустыней, когда они в ней явились. Главные воды территории от Волги до Вятки были известны человеку задолго до начала черемисской колонизации. Все они имеют названия, не соответствующие по своему составу черемисским. Мы видим реки: Ветлуга..., Кокшага..., Каньга, Нулга, Кичига, Шинга, Рошга, Шурма, Юргема..., Олма, Кичма, Торма, Вошма, Чухма, Шошма..., Урма..., Нурма, Удюрма, Пижда..., Пима, Муйма, Рой, Буй, Люй, Пижой..., Турья..., Руя, Курья, Сурья, Унга, Сарда, Немда, Инда, Кирда, Куита, Ухта, Мута, Орша, Турша, Пильба, Курба, Лонба. Названия эти не могут считаться и вотяцкими... Из того обстоятельства, что вотяцкие названия носят мелкие речки, можно заключить, что вотяки, подобно черемисам, застали край... уже со следами человека... За вычетом всех вятских по типу названий мы получаем массу других, которые пока не поддаются еще объяснению из живых финских наречий и принадлежат, судя по сходству или даже тождеству, народу, занимавшему громадное пространство от меридиана Москвы до меридиана Перми» (разрядка моя. — Б. С.)⁴.

Не касаясь анализа других работ русских и зарубежных ученых, связанных с исследованием этого вопроса, мы считаем, что все попытки определить этническую принадлежность создателей дославянской топонимики средней и северной полосы Европейской части СССР не увенчались до сих пор какими-либо серьезными успехами. Более обещающим, по нашему мнению, будет другой путь исследования — путь установления связи между результатами исследований в области топонимики с новейшими достижениями археологии. Топонимика в этом случае вместе с данными археологии превращается в один из источников изучения истории заселения русского Севера.

Древнейшая история заселения севера Европейской части СССР долгое время оставалась совершенно не изученной. Однако в настоящее время благодаря успехам археологии в Советском Союзе советским археологам удалось в сотрудничестве с антропологами установить некоторые факты, проливающие свет на древнюю историю нашего Севера. Советские архе-

¹ А. И. Соболевский, Названия рек и озер русского Севера, ИОРЯС, 1927, т. XXXII, стр. 2.

² Там же, стр. 10—11.

³ Там же, стр. 15—16.

⁴ И. Н. Смирнов, Черемисы. Историко-этнографический очерк, Казань, 1889, стр. 19—20.

логи предполагают, что первичное заселение его происходило с Южного Урала и Приуралья¹. Эта гипотеза подтверждается не только сходством в типах вещей древнейших и более поздних стоянок от Прибалтики до Урала, но и сходством антропологического типа древнего населения на севере Европейской части СССР с современным южноуральским. Время этого первичного заселения Севера советский археолог А. Я. Брюсов датирует VII—VI тысячелетием до н. э.²

Примерно в III тысячелетии до н. э. начинается вторая волна заселения Севера. Эта гипотеза возникла в связи с очень интересным открытием А. Я. Брюсова. Занимаясь в течение долгого времени изучением памятников материнальной культуры на территории Карелии и севера Европейской части СССР, он высказал мысль о возможности заселения Карелии из района Волго-Окского междуречья. «На древнейших стоянках Карелии, — замечает А. Я. Брюсов, — мы встречаем керамику, наиболее близкую по типу к древней среднеуральской керамике»³. Первоначальным очагом расселения А. Я. Брюсов считает Волго-Окское междуречье. По его мнению, до половины III тысячелетия до н. э. Карелия оставалась безлюдной⁴. «Северная часть Карелии была освоена несколько позднее, повидимому, только в конце третьего тысячелетия до нашей эры или в начале второго тысячелетия»⁵.

Заселение Карелии из района Волго-Окского междуречья охватило сначала только южную и западную части области. Подтверждением этой гипотезы является тот факт, что «ранние стоянки не обнаружены дальше на севере Карелии, ни на востоке, ни на западе»⁶. Есть также основания предполагать, что переселенцы поддерживали от случая к случаю связь со своими сородичами на местах. Так, например, под Москвой, на берегу Москва-реки, было обнаружено погребение под курганом, где сопровождавшие покойника вещи состояли из типичных для Севера и необычных для Волго-Окского междуречья предметов⁷.

Другой весьма интересной в этом отношении работой является книга М. Е. Фосс «Древнейшая история севера Европейской части СССР», появившаяся в 1952 г. Автор книги, исследовавший новые археологические материалы, полностью подтверждает гипотезу А. Я. Брюсова и вместе с тем раскрывает более конкретную картину заселения Севера.

М. Е. Фосс утверждает, что «Север заселялся из разных областей, чем и объясняется сходство, наблюдаемое в стиле орнаментики восточной его части — с Западной Сибирью, в средней — с Волго-Окской областью...»⁸.

«Резкое различие в орнаментальных традициях племен Приуралья и Волго-Окского бассейна, — по мнению М. Е. Фосс, — указывает на этническое различие населения в конце III — начале II тысячелетия до н. э.»⁹. Для района Большеземельской тундры, пишет М. Е. Фосс, типично «... как общее явление отсутствие ямочно-гребенчатой керамики типа, распространенного в Волго-Окском бассейне и на значительной территории Севера в более южных широтах»¹⁰.

Предполагается, что носители так называемой печорской культуры

¹ См. А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952, стр. 38.

² См. там же, стр. 39.

³ А. Я. Брюсов, История древней Карелии, М., 1940, стр. 32.

⁴ См. там же, стр. 33.

⁵ Там же, стр. 34.

⁶ Там же, стр. 46.

⁷ См. там же, стр. 47—48.

⁸ М. Е. Фосс, Древнейшая история севера Европейской части СССР, М., 1952, стр. 39.

⁹ Там же, стр. 173.

¹⁰ Там же, стр. 139.

проникли в район Большеземельской тундры из Западной Сибири. «Сибирские племена расселились по рекам и озерам бассейна р. Печоры и по более мелким рекам, впадающим в океан»¹.

Устанавливаются также связи с Волго-Окским междуречьем у племен, населявших в неолитическую эпоху побережье Белого моря: «На беломорском побережье приблизительно к началу II тысячелетия до н. э. относятся стоянки с характерной ямочно-гребенчатой керамикой, указывающей на происхождение их населения из Волго-Окской области»². Наличие на территории Карелии керамики типа Сперрингс, распространенной из Финляндии, и ямочно-гребенчатой керамики волго-окского типа позволяет установить, что в III тысячелетии Карелия заселялась с запада и с юга³.

Интересно также замечание М. Е. Фосс, что в эпоху неолита «часть населения средней полосы Европейской части СССР... продвинулась вплоть до берегов Белого моря»⁴.

Подводя итог важнейшим открытиям советских археологов, можно считать вполне установленными следующие факты:

1. Обнаружены две волны заселения Севера. Наиболее ранняя, датированная VII, VI тысячелетиями до н. э., шла из Южного Урала и Приуралья, вторая, более поздняя, шла из района Волго-Окского междуречья. Начало этой волны переселения датируется III тысячелетием.

2. Население Севера в неолитическую эпоху было неоднородным. Население западной части и население восточной части, прилегающей к Уралу, резко отличалось по материальной культуре и имело различное происхождение.

В связи с этим возникает вопрос, могут ли указанные факты быть подкреплены какими-либо лингвистическими данными. Опираясь на археологические данные, М. Е. Фосс пытается сделать некоторые выводы о характере языковых общностей. «... Племена Карелии, занимавшие область, характеризуемую распространением в ней керамики типа Сперрингс, были иного происхождения (как показывает орнаментака этой керамики), чем волго-окские племена, также расселившиеся по территории Карелии, и, повидимому, они говорили на разных языках. Противоположно этому можно высказать предположение относительно печорских племен, генетически связанных с западносибирскими племенами и имевших, вероятно, общий с ними язык, отличавшийся от языка остальной части населения Севера.

В связи с выводом о расселении на Север некоторых племен из Волго-Окской области и, судя по распространению керамики волго-окского типа, представляется вероятным, что все это население, связанное единством происхождения, говорило на одном общем языке»⁵.

Выводы М. Е. Фосс в данном случае основаны на отождествлении языковых общностей и общностей материальных культур и не подкреплены никакими лингвистическими данными, в связи с чем они не выходят за рамки более или менее вероятных, но ничем не доказанных гипотез. Совершенно ясно, что за период времени от неолитической эпохи до наших дней лингвистическая и этническая карта Европейской части СССР подверглась сильным изменениям. Никаких племен и тем более языков, ведущих свое происхождение непосредственно от периода неолитической эпохи, в настоящее время уже нет. Невольно напрашивается вывод о полной бес-

¹ М. Е. Фосс, указ. соч., стр. 144.

² Там же, стр. 121.

³ См. там же, стр. 147.

⁴ Там же, стр. 153.

⁵ Там же, стр. 35.

полезности каких-либо поисков в этом направлении. Однако такой вывод был бы слишком пессимистичным и преждевременным. Существуют лингвистические факты, сохраняющиеся необычайно долго. К таким фактам относятся прежде всего топонимика. Правда, топонимика также может претерпевать изменения, и древняя топонимика на территории Европейской части СССР в значительной степени исчезла: возникли новые топонимические слои, имели место переименования, переводы на более поздние языки и т. д. Но все эти изменения в целом ряде случаев не нарушили общего колорита древней топонимики, позволяющего сделать более или менее определенные выводы.

Характер топонимики может быть простым и сложным. Изучение топонимики целесообразно начинать с более простых случаев, когда древние топонимические пласты не слишком нарушены и перекрыты более новыми топонимическими слоями. Поскольку выше шла речь о истории заселения Карелии, рассмотрим прежде всего характер топонимики на территории современной Карелии.

Исследование топонимики Карелии позволяет обнаружить довольно отчетливо различающиеся три топонимических пласта: 1) древний слой, характеризующийся суффиксами *ма, га, ша* (так называемые «речные суффиксы»); 2) карельский топонимический слой, т. е. слой, объясняемый при помощи диалектов карельского языка; 3) славянский топонимический слой, представленный русскими названиями.

1. Суффиксы *ма, га, ша* обычно входят в состав названий рек и населенных пунктов. Таких названий рек и населенных пунктов на территории Карелии находится значительное количество. Приводим небольшой перечень этих названий: р е к и: Кузема, Волома, Воньга, Оннгма, Олонга, Калга, Вирьма, Сума, Колежма, Пяльма, Кума, Киркима, Тукша, Шапша, Нига, Вожма, Вама; н а с е л е н н ы е п у н к т ы: Поныгома, Нижняя Пулонга, Лижма, Шайдома, Пяльма, Кочкома.

Интересно отметить, что по направлению к северу названия этого топонимического слоя заметно редуют. Не встречаются они и на территории Финляндии.

К более редким «речным» суффиксам, встречающимся на территории Карелии, следует отнести суффиксы: *ла* (Водла), *жа* (Пажа), *кса* (Кумоукса, Лекса, Рагнукса и т. д.), *да* (Тунгуда, Онда), *та* (Охта, а также населенные пункты Лехта и Ухта).

2. Карельский топонимический слой также выделяется сравнительно легко; ср. такие названия, как Регойрви, Ювалакша, Нинисельга, Гомсельга, Кяпсесельга и т. д.

3. Русский топонимический слой — наиболее поздний по своему происхождению. Представлен двумя характерными для Карелии типами: первый тип — так называемые топонимические полупереводы, например Пяозеро, Пуйгуба, Шелозеро, Лидозеро и т. п.; второй представлен собственно русскими названиями, например Уткина гора, Святаволок и т. п.

Не прибегая даже к специальным исследованиям, можно легко заметить, что наиболее древний топонимический слой, характеризующийся суффиксами *ма, га и ша*, не ограничен только территорией Карелии, но весьма широко представлен в соседней Архангельской и в Вологодской областях. Приводим небольшой список рек Архангельской области: Токша, Шомокша, Обокша, Коноша, Моша, Лепша, Игиша, Выкошма, Комша, Сога, Лоптюга, Ваймога, Мудьюга, Онега, Соймога, Ельга, Паденьга, Няменьга, Ваймуга, Нореньга, Калажма, Сюзьма, Перчема, Тойма, Шожа и т. п.

Речные названия этого типа характерны не только для бассейна Оне-

ги и Северной Двины, но распространяются и далее на восток, захватывая бассейн р. Мезени и нижнее течение Вычегды. Приводим небольшой список рек бассейна Мезени: Цебьюга, Ежуга, Циленга, Комша, Выкомша, Пучкома, Цема, Пижма, Кыма.

Тожественной по своему характеру, как уже говорилось выше, является топонимика нижнего течения Вычегды; ср., например, названия рек: Сойга, Яреньга и населенных пунктов: Урдома, Шонома, Толша. В основном единственной является и топонимика побережья Белого моря; ср. названия рек: Унежма, Сюзьма, Мудьюга, Колозьма, Якма; на Кольском полуострове: Варзуга, Чаваньга, Чанома, Пулоньга. Топонимика этого типа на Кольском полуострове характерна только для его южного берега.

Встречаются в Архангельской обл., так же как в Карелии, более редкие «речные» суффиксы, например суффикс *да*: Кямда, Вонгула, Суланда, Куропалда; суффикс *та*, по всей видимости, фонетическая разновидность суффикса *да*: Ухта, Хехта, а также населенные пункты Ирта, Паста, Успапта и т. д.; суффикс *жа*: Ковжа, Кежа, Кижка (суффикс *жа*, возможно, представляет фонетическую разновидность суффикса *ша*); суффикс *ба*: Корба, Ньюба; суффикс *са*: Нюгуса, Куруса, Топса, Икса, Илкса; суффикс *за*: Солза, Пеза, Сельза; суффикс *ра*: Тегра, Сура, Явзора, Люфгура, Сефгора. Очень редко встречаются реки, характеризующиеся суффиксом *ла*, например Сула, Кижмола, и суффиксом *важ*: Кестваж, Ухваж, Реваж, Соваж.

Топонимика, характеризующаяся «речными» суффиксами *ма*, *га* и *ша*, довольно хорошо представлена в бассейне р. Сухоны; ср. названия рек: Порша, Нодима, Марленьга, Уфтюга, Кема, а также населенных пунктов: Тотша, Нижняя и Верхняя Тозьма, Печенга, Камчуга, Коченьга и т. д. Топонимике того же типа находим и в Костромской обл.; ср., например, населенные пункты: Кострома, Чухлома, Костома, Шокша, Якшанга, Полома; названия рек: Вига, Шикша, Шекшема, Сивьга, Шилекша, Шыльдлома, Ширмокша и т. д.

Древняя топонимика Ивановской, Ярославской, Горьковской и Кировской областей обнаруживает те же типичные для этой топонимики «речные» суффиксы. В Ивановской обл.: Полома, Тума, Нельша, Сотьма, Теша, Кохма, Вичуга; в Ярославской обл.: Цицерна, Шуга, Шошша, Ильма, Мозга, Игиша, Недога; в Горьковской обл.: Теша, Велетьма, Ветлуга, Пижма, Хохлома; в Кировской обл.: Волманга, Молома, Шаранга и т. д.

Топонимические названия этого типа встречаются и на территории Московской обл., например: Ихрома, Икша, Торгаша, Вендига, Воймега, Желема. Можно обнаружить ее следы и на территории Смоленской обл., например Вязьма, Осьма. В Рязанской обл. встречаются названия: Лашма, Тума, Елатьма, Нарма; в Пензенской — Выша, Пачелма.

Топонимика того же типа обнаруживается на территории Мордовской, Марийской и отчасти Удмуртской и Чувашской республик. В Мордовской АССР: Лястьма, Пырма, Пелетьма, Мокша, Пушта, Калша (название рек), также название населенных пунктов Мокша и Шокша; в Марийской АССР: Уртома, Шошма, Икма, Кокшага, Юронга, Ваштранга, Чукша, Шиньша. В Удмуртской АССР этот слой представлен названиями: Люга, Можга, Пурга, Нылга.

«Речной» суффикс *ма* имеется в названиях р. Камы и ее притоков Тоймы и Лекмы. Слабые следы топонимики этого типа имеются в Коми республике, в бассейне р. Сысолы; ср. названия: Ужга, Пажга, Визеньга. Видоизмененный «речной» суффикс *ма* фигурирует в названии населенного пункта Чухлом (вероятно, из Чухлома), а также в Чувашской и Татар-

ской республиках, например, Тюрлема в Чувашской республике, Меша, Шешма в Татарской республике. В полосе, прилегающей к Уралу, можно найти лишь отдельные, крайне редко встречающиеся топонимические названия этого типа, например: Толтма, Кельтма, Якша и т. д.

Выше указывалось, что на Севере СССР, помимо топонимических названий, характеризующихся «речными» суффиксами *ма*, *га* и *ша*, встречаются названия рек, имеющие суффиксы *жа*, *да* или *та*, *за* или *са*, *ра*, *ла* и т. д. Нужно отметить, что названия рек с этими суффиксами встречаются значительно южнее, что может быть наглядно проиллюстрировано. Суффикс *жа*: Ковжа, Кобжа (Вологодская обл.), Сережа, Межа (Великолуцкая обл.), Сережа (Горьковская обл.), Ужжа (Костромская и Ивановская обл.), Тужа (Кировская обл.); суффикс *ра*: Пахра (Московская обл.), Кобра (Кировская обл.), Угра, Вихра (Смоленская обл.), Вишера (Ленинградская, Молотовская обл. и Коми АССР), Сура (Мордовская и Чувашская АССР), Вытегра (Вологодская обл.), Конгора, Мягра (Ярославская обл.); суффикс *за*: Вазуза, Гобза (Смоленская обл.), Руза (Московская обл.), Луза, Керза (Кировская обл.), Юза (Вологодская обл.), Теза (Ивановская обл.), Меза (Костромская обл.); суффикс *та* (*да*): Нерехта, Сорохта (Костромская и Ивановская обл.), Немда (Кировская обл.), Уста, Линда (Горьковская обл.), Тафта (Вологодская обл.), Лянда (Марийская АССР), Шижегда, Уронда (Ивановская обл.).

Можно приблизительно очертить ареал распространения топонимики этого типа. Она распространена на территории Московской, Ивановской, Кировской, Горьковской, Ярославской, Костромской, Вологодской, Архангельской, Рязанской и отчасти Смоленской областей, а также на территории Мордовской, Марийской и отчасти Удмуртской республик. На Крайнем Севере эта топонимика не заходит дальше южной части Кольского полуострова, почти не встречается в западной части Ленинградской области, а также в Псковской, Великолуцкой и Калининской областях; нет ее на территории Коми республики, за исключением двух небольших топонимических островов в районе Сысолы и Печоры. Незначительные следы ее имеются на территории Чувашской и Татарской республик. Топонимика этого типа в Приуралье, на Верхней Каме и в Башкирской республике встречается крайне редко.

Несомненно, эта топонимика в качестве источника имеет какой-то язык, который, разумеется, имел своих носителей. Учитывая, что пространства русского Севера заселялись значительно позднее, можно предположить первоначальную территорию распространения этого языка в средней полосе Европейской части СССР, может быть, на территории современных Московской, Ивановской и Ярославской областей с несколько большим территориальным охватом. В какой-то период времени действительно осуществлялась миграция этого населения в более северные области на территорию Костромской, Кировской и Вологодской областей, а также в южную часть Карелии. Из Карелии позднее, повидимому, происходило распространение этого населения к востоку, в бассейны Сухоны, Северной Двины и Мезени. Об этом свидетельствуют не только общность «речных» суффиксов, но и другие весьма показательные факты. Бросая насиженные места и обосновываясь на новом месте, переселенцы иногда давали новому населенному пункту название покинутого населенного пункта. Приведем несколько наглядных примеров (см. стр. 26).

Движение населения совершалось не только в направлении к северу, но и в направлении северо-востока, о чем опять-таки свидетельствуют повторяющиеся названия рек и населенных пунктов; ср., например, г. Чухлома в Костромской обл. и Чухлом — населенный пункт на р. Сысьоль; село Николо-Полома в Костромской обл., Полом — в верхнем те-

Средняя полоса

Север

Шокша — населенный пункт в Мордовск. АССР, Шокша в Костромской обл.	Мыс Шокшинский на Онежском озере
Ижма — река в Марийской АССР	Ижма — приток Печоры
Икса — название населенного пункта в Марийской АССР, Икса — название населенного пункта в Московской области	Икса — река в Архангельской обл.
Вашка — река в Ивановской обл.	Вашка — приток Мезени
Сура — приток Волги (протекает главным образом по территории Мордовской и Чувашской республик)	Сура — приток Мезени
Клизма — приток Волги	Колозьма — река в Архангельской обл.
Тойма — приток Камы	Тойма — приток Северной Двины
Муром — город Владимирской обл.	Муромля — приток Свири
Кудьма — приток Средней Волги	Кудьма — река, впадающая в Белое озеро ¹

чени р. Вятки и Полом в Удмуртской АССР; р. Межа — приток Западной Двины и Межа — приток Унжы; р. Пижма — приток р. Великой, приток р. Ветлуги, приток р. Вятки и приток р. Печоры². На Севере наблюдается повторяемость населенных пунктов и названий рек по направлению к востоку; ср. Ухта — в Карело-Финской ССР и Ухта — в Коми АССР; Мудьюга — приток Онеги и Мудьюга — река, впадающая в Белое море; Ижма — населенный пункт около г. Архангельска и Ижма — приток Печоры; Кулой — приток Ваги и Кулой — приток Пинеги; Нюхча — река в Карело-Финской ССР, впадающая в Белое море, и Нюхча — приток Мезени; Уфтюга — приток Сухоны и Уфтюга — приток Северной Двины; Сойга — приток Северной Двины и Сойга — приток Вычегды; Няндомо — населенный пункт в Архангельской обл. и Нянда — населенный пункт в нижнем течении Вычегды; Вандыш — населенный пункт в Архангельской обл. и Вандыш — населенный пункт в нижнем течении р. Вычегды; Яренга — селение на берегу Белого моря и Яреньга — правый приток Вычегды.

Есть основания предполагать возможность частичного заселения Севера непосредственно с северо-востока из района Кировской области; ср. название Пижмы — притока Вятки и Пижмы — притока Печоры. Интересны также полярные топонимические параллели, как Вишера в Новгородской обл. и Коми АССР, Орша в Белорусской ССР и в Марийской АССР, которые могут свидетельствовать о каком-то движении населения с запада на восток.

Таким образом, топонимика позволяет в известной степени уточнить пути колонизации волго-окского населения. Движение населения происходило не только в направлении севера, но также в направлении северо-востока и востока, причем колонизация населения к востоку в средней полосе началась, очевидно, раньше колонизации населения на восток из района Карелии. Можно предполагать, что преимущественно из Карелии были заселены бассейны рек — Сухоны, Онеги, Северной Двины и Мезени, а также нижнее течение Вычегды.

¹ См. А. И. Соболевский, указ. соч., стр. 77.

² См. там же, стр. 34.

По утверждению советских археологов, бассейн Печоры и территория Большеземельской тундры были в древности заселены племенами иного происхождения, носителями так называемой уральской культуры. Ямочно-гребенчатая керамика волго-окского типа в этом районе не встречается. Нужно отметить, что данные топонимики не только не противоречат, но вполне подтверждают эту гипотезу. Действительно, в бассейне Печоры и в Большеземельской тундре, вообще в восточной полосе Европейской части СССР, прилегающей к Уралу, нет топонимики волго-окского типа. Значительное количество топонимических названий бассейна Печоры и района Большеземельской тундры может быть объяснено при помощи ненецкого языка. Таковы названия, характеризующиеся суффиксом *жа* (буквально: «река»), например: Харь-яха, Пай-яха, Надыр-яха, Ярей-яха, Сенг-яха, или суффиксом *то* (буквально: «озеро»), например: Лая-то, Петей-то и т. д. Встречаются, повидимому, смешанные коми-ненецкие названия типа Хальмер-ю, Яй-гор-ю и т. д.

М. Е. Фосс, говоря о распространении на Севере керамики с орнаментами волго-окского типа, делает одно весьма интересное замечание: «Следует еще упомянуть об очень далеких двух пунктах, находящихся в Большеземельской тундре, в бассейне р. Печоры (на р. Колве, в местности Шренк-Ярей, и неподалеку от нее, на р. Сандибей-ю), где найдено несколько фрагментов волго-окского типа с конически-ямочным орнаментом, но распространенным лишь в два-три ряда. Эта керамика датируется концом II — началом I тысячелетия до н. э. Редкость находок, датируемых поздним временем, не позволяет высказать какое-либо определенное предположение о путях проникновения традиционных орнаментов волго-окских племен в столь отдаленные места»¹.

Этот факт нам не кажется случайным. На Печоре есть небольшой топонимический остров, характеризующийся «речными» суффиксами волго-окского типа; ср. названия рек: Икма, Цильма, Чулома, Соима, Большая Янгыша, Пижма с притоком Повьюга, Малая Вольма и Большая Вольма, Индега.

Вопрос о путях заселения Севера в настоящее время можно считать решенным, поскольку данные археологии и топонимики не находятся в противоречии. Гораздо более сложным является вопрос о том, какому языку принадлежала эта топонимика. Обычно общность топонимических названий предполагает общность языка. Конечно, язык носителей волго-окской топонимики, распространяясь по огромным пространствам северной и средней полос Европы восточной части СССР, не мог все время оставаться единым, он дробился на диалекты, которые в условиях изоляции могли превращаться в родственные языки. Сама топонимика волго-окского типа иногда дает основание для такого утверждения. Так, например, «речные» суффиксы *ша*, *са* и *ра* могли быть диалектальными разновидностями какого-то слова, обозначавшего реку. *Ра* могло образоваться из варианта *са*, *за* вследствие ротацизма звука *з*, особенно в положении между гласными.

Суффиксы *са*, *за* и *та*, *да*, повидимому, варианты одного и того же суффикса. Несомненно, что все суффиксы, типичные для волго-окской топонимики — *са*, *ма*, *ша*, *та* и т. д., — обозначали реку. Трудно предполагать хронологическую разновременность их возникновения, так как во всех случаях они оказываются сосуществующими. Не должно удивлять и обилие названий реки. У народов лесной полосы названия рек, болот, озер, леса и т. п. отличаются большой детализацией; ср. в языке коми названия ручьев и рек: *шор*, *эль* (названия ручья), *ва*, *ю* (названия реки),

¹ М. Е. Ф о с с, *Указ. соч.*, стр. 176.

vör, *парма*, *яг*, *рас* (названия разповидностей леса). Очевидно, «речные» суффиксы волго-окской топонимии обозначали реку. Однако в настоящее время нет никакой возможности установить, в чем состоит семантическое различие «речных» суффиксов *га* и *ма*. Предположение о том, что суффикс *га* обозначал реку большего размера, например Волга, а *ма* — реку меньшего размера, например Кама, не выдерживало бы никакой критики, так как имеется значительное количество названий малых рек, содержащих суффикс *га*. Такое предположение также невозможно и в топонимике рек на *ша*, так как названия рек, содержащих этот суффикс, могут обозначать крупные реки.

Еще более трудным является вопрос о возможности отнесения волго-окских языков к какой-нибудь семье ныне существующих языков и определения этнической принадлежности их носителей. Во всяком случае можно сильно сомневаться в принадлежности их к числу финно-угорских языков. Несколько тысяч волго-окских топонимических названий, фигурирующих на карте Европейской части СССР, не могут быть объяснены при помощи ныне существующих финно-угорских языков. Правда, отдельные остроумные попытки такого объяснения были. Так, например, название Пинега — большой правый приток Северной Двины — сопоставлялось с финским *pieni joki*, т. е. «малая река», Мегрега — *mägräjoki*, т. е. «барсучья река»; название Уфтыга можно бы было объяснить как «медвежья река» (арзя-морд. *осто* «медведь»), Калга — как «рыбная река» (ср. финск. *kala* «рыба»), Волга — как «белая река» (ср. финск. *valkea* «белый») и т. д. Однако все эти отдельные истолкования, целиком базирующиеся на случайных созвучиях, являются каплей в море среди массы совершенно необъяснимых названий типа Волложма, Лимевда, Свиига, Кострома и т. д. Помимо того, звуковой комплекс *ма* ни в одном из ныне существующих финно-угорских языков не обозначает реки. Звуковой комплекс *ша*, *са* с большой натяжкой можно было бы свести к марийскому слову *икса* «небольшая река», но и это сопоставление весьма сомнительно.

Если отказаться от намерения отождествлять волго-окские языки с финно-угорскими, то окажется, что на древней территории Европейской части СССР для угро-финнов не окажется места. Древняя топонимика Карело-Финской, Мордовской и Марийской республик явно свидетельствует, что никаких угро-финнов на этих территориях раньше не было. Придется либо допустить возможность появления угро-финнов как результат исторической эволюции волго-окских народов, либо искать их прародину где-то в другом месте.

Известный финский ученый Э. Сетале в первом томе своего труда «Suomen suku» пришел к выводу, что территорию древнейшего расселения уральских народов (т. е. предков теперешних ненецких племен), а также ныне существующих финно-угорских следует искать в северо-восточной части Европы, к западу от Урала. Первоначальное местожительство собственно угро-финнов, по его мнению, следует искать в области среднего течения Волги¹. Примерно к сходным выводам пришел венгерский ученый М. Йирак; согласно его мнению, местожительство предков угро-финнов следует искать в холмистой местности, лежащей между излучиной Волги и Уральским хребтом.

Очень интересными являются новейшие исследования венгерских ученых, пытавшихся точнее определить прародину уральских народов. И. Н. Шебештьен в своей интересной статье «К вопросу о древней области

¹ См. J. N. Sebestyén, Zur Frage des alten Wohngebietes der uralischen Völker, «Acta Linguistica», t. I, fasc. 2—4, Budapest, 1951—1952, стр. 343 (резюме; на русск. яз.).

распространения уральских народов» подвергла этимологическому анализу названия рыб и деревьев, встречающиеся в уральских языках, и получила результаты, которые оказались применимыми и к географическому определению древнейшего совместного местожительства уральских народов. При этом выяснилось, что ареал распространения рыб и деревьев, названия которых представлены в уральских языках, в преобладающем большинстве случаев не идет далее Урала. И. Н. Шебештьен так определяет приблизительные границы уральской прародины:

«Северная граница уральской прародины не превысила северной широты границы произрастания типично северных лиственных пород в Северо-Восточной Европе. Таким образом, она в северном направлении лежала в верховьях и среднем течении р. Печоры, равно как и по берегам р. Ижмы. Что прауральская родина имела протяжение до берегов океана или моря, об этом не имеется никаких биогеографических сведений, но можно предполагать, что прауральские народности имели уже некоторые представления о существовании океана или моря. Уральская прародина на западе обнимала по меньшей мере область, лежащую в верховьях и около среднего течения р. Вычегды. Обнимала ли она всю территорию речной системы р. Вычегды, или низовья р. Сухоны или же окрестности вдоль рр. Юга и Лузы — это за неимением биогеографических данных неизвестно. Можно установить только то, что западную границу прародины надо искать внутри западного предела распространения пихты. На юге прародине принадлежали территории, находящиеся около верховья р. Камы и ее притоков, изобилующих рыбами рода *Acipenser* (осетр, стерлядь)»¹.

Эти выводы явно свидетельствуют о том, что в Приуралье и в районе Волго-Окского междуречья в глубокой древности находились различные этнические общности, пользовавшиеся различными языками.

Несколько загадочным и трудно разрешимым остается один вопрос, почему волго-окские народы оставили ярко выраженную, типичную топонимику, тогда как уральские народы не оставили никакой типичной топонимики. Прародина уральских народов топонимически не очерчивается. В границах уральской прародины, намеченных И. Н. Шебештьен, мы находим прежде всего топонимику, принадлежащую коми языку, например: Палью, Когель, Колва, Расью, Мылва, Сойма, Лунвож, Лемью и т. д., и некоторые очень слабые следы топонимики волго-окского типа: Печора, Кама, Вишера, Якша, Ижма, Толтма. Что касается топонимики волго-окского типа, то она вообще не типична для этого района. Это скорее след очень слабых колонизационных волн из района Волго-Окского междуречья. Вывод о том, что все финно-угорские языки развились из какого-то финно-угорского языка пермского типа, был бы совершенно нелепым. Некоторое разрешение этой загадки могла бы дать гипотеза о резко различии культурных уровней уральского и волго-окского народов. Уральские племена, предки современных ненцев и финно-угорских народов, ведя бродячий образ жизни охотников в редко заселенной области Приуралья, верховьев Печоры и Вычегды, вообще не создавали никакой топонимики. Возникновение топонимики всегда требует какого-то минимума оседлости. Волго-окское население, несомненно, было более развитым в культурном отношении, знало поселения постоянного типа и, вероятно, было знакомо с земледелием и скотоводством.

В какое-то время в районе Приуралья, может быть в связи с большей консолидацией этнических общностей или в силу каких-либо других причин, происходит экспансия прафинноугров на запад. Результатом этой

¹ Там же, стр. 344.

экспансии было сильное оттеснение волго-окских народов и ананьинцев. Финно-угорские племена проникли на территорию современной Удмуртской, Марийской и Мордовской республик, а также в Кировскую, Ярославскую и Ивановскую области. Волго-окское население частично было ассимилировано финно-уграми, частично было вынуждено продвигаться к северу. Ассимиляция волго-окского населения, конечно, не была одновременным процессом. На территории Марийской и Мордовской республик, а также Ивановской, Ярославской, Кировской и Горьковской областей оно, возможно, было ассимилировано раньше, чем в Карелии. В результате экспансии прафинноугров из ареала уральской прародины на новых местах поселения сложились новые финно-угорские народности: марийцы, мордва, меря, мурома, мешера, весь, карелы. Конечно, эти народы до момента окончательного их образования могли входить в различные финно-угорские общности, например финно-мордовскую общность, после распада которой возникли западнофинские народы и мордва, в меряско-марийскую общность, после распада которой возникли марийцы и историческая меря, и т. д.

Возможная экспансия прафинноугров на запад из какого-то ареала, прилегающего к Уралу, подтверждается также исследованиями советского археолога и этнографа Е. И. Горюновой. В своей интересной статье «К вопросу о культурных и этнических связях населения Верхнего Поволжья и западного Приуралья в I тысячелетии нашей эры» Е. И. Горюнова, говоря о наличии сходства керамической посуды в районах Приуралья и Поволжья, замечает:

«Это дает нам право заключить, что в конце второго, в начале первого тысячелетия до н. э., т. е. в предананьинское время, население нынешних Костромской и Ярославской областей и население низовьев Оки было родственно населению нижней Камы и западного Приуралья (совр. Свердловской области)»¹.

«Формирование дославянского населения на территории Волго-Окско-Клязьминского междуречья и заволжских районов современных Ярославской и Костромской областей происходило под непосредственным воздействием и при прямой физической участии угро-пермских племен Прикамья»².

Весьма интересным является вопрос, было ли древнерусское население знакомо с населением волго-окским. Можно думать, что древнерусское население уже не застало волго-окского, так как на местах его поселения возникли финно-угорские народности. Так, например, значительная часть Московской, Ярославской и Ивановской областей была занята мерей, на Оке находилась мурома, так называемое Заволочье уже было занято предками современных карел и весью. Несомненно, в это время существовали пермские народы. Возможно, что некоторые острова волго-окского населения еще сохранялись до XI—XII вв. н. э.

Очень интересную проблему составляет вопрос о первоначальном местожительстве волго-окских народов. Следы волго-окской топонимики имеются и в Западной Сибири, в бассейне р. Оби, несмотря на наличие в Приуралье разреженной зоны, где эта топонимика встречается сравнительно редко³. Приводим некоторые наиболее типичные названия рек бассейна Оби,

¹ «Ученые записки [Марийск. науч.-исслед. ин-та языка, лит-ры и истории]», вып. VI, Пошкар-Ола, 1954, стр. 108.

² Там же, стр. 113.

³ На это обратил внимание еще А. И. Соболевский, который писал, что про странная Западная Сибирь по названиям своих рек, озер, гор, несомненно, связана с Россией (см. «Названия рек и озер русского Севера», стр. 38).

содержащие речные суффиксы *ga, sa, ma*: Мендыга, Ньюбига, Суйга, Чу-чайга, Катанга (притоки Кети), Пуданга, Ледега, Суйга, Анга, Лайга, Тузэга, Сайга (притоки Чульма), Тулома (приток р. Уду-Юл, впадающей в Чульм), Икса и Юрга (притоки р. Чап, впадающей в Обь), реки Большая Чачамга и Малая Чачамга, впадающие в озеро Чинильто, р. Уньга (приток Томь), Малая Юкса и Ярба (притоки Чульма) и т. д.¹

Остается неясным, появилась ли данная топонимика в результате колонизации каких-то масс волго-окского населения из центральных районов Европейской части России или само волго-окское население пришло на территорию Европейской части России из Западной Сибири. Эта проблема требует специального изучения.

Используя общую совокупность данных археологии, фитогеографии, ихтиографии и топонимики, можно получить более или менее правильное представление о древнейшей истории северной и средней полосы Европейской части СССР. Попробуем суммировать некоторые положительные выводы:

1. Первая волна заселения Севера шла из области Урала и Западной Сибири. По всей видимости этот поток населения был очень слабым. Население первого потока даже не оставило типичной топонимики. Современные саами, возможно, являются остатком этого древнейшего населения Севера.

2. Позднее в районе Волго-Окского междуречья и в районе Приуралья складываются более или менее компактные этнические общности, которые можно было бы назвать волго-окской, бореальной и уральской. В результате натиска с юга происходит миграция волго-окского населения по направлению к северу и северо-востоку. Большеземельская тундра заселяется представителями бореальной этнической общности, носителями так называемой печорской культуры.

3. Волго-окское население проникает в Карелию, заселяет отсюда западное и южное побережье Белого моря, а также южную часть Кольского полуострова, бассейн рек Сухоны, Северной Двины и Мезени; оно продвигается в нижнее течение Вычегды до современной западной границы Коми республики, а незначительная часть его проникает на Печору.

4. В Приуралье одновременно с бореальной этнической общностью складывается уральская этническая общность, в результате дальнейшей эволюции которой возникли современные финно-угорские народы, а возможно, и неенецкие племена.

5. В результате консолидации уральской этнической общности происходит экспансия предков финно-угров на запад. Финно-угры проникли на запад, ассимилировали часть волго-окского населения. Вследствие этой ассимиляции возникают новые финно-угорские народы, существующие и сейчас. В это время, очевидно, происходит частично вторая колонизация волго-окского населения на север. Экспансия финно-угров в значительной мере ускорила исчезновение алавьянцев. Вместе с экспансией финно-угров на запад происходило их частичное просачивание за Урал, чем можно объяснить происхождение современных манси и ханты. В это время также возможно проникновение прафинноугров на север. В результате этнического взаимодействия прафинноугров с представителями бореальной этнической общности — носителями так называемой печорской культуры — возникли современные неенецкие или самодийские племена.

Мы надеемся, что использование совокупных данных позволит в значительной мере уточнить сведения, даваемые археологами, и восстановить более реальную картину исторического прошлого Севера.

¹ Топонимический материал взят из карты, приложенной к статье А. П. Дулязо и А. «Древние сменя народов на территории Томской области по данным топонимики» («Ученые записки [Томск. пед. ин-та]», т. VI, 1950).